

Richard
Pipes

Ричард
Пайпс
Старый
режим
Избранные работы
по русской истории

издательство **АСТ**
Москва

УДК 94(470)"19"

ББК 63.3(2)52

П12

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Пайпс, Ричард.

П12 Старый режим. Избранные работы по русской истории / Ричард ПАЙПС. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-17-178599-4

Ричард Пайпс (1923–2018) — профессор русской истории Гарвардского университета, один из ведущих специалистов в этой области. Он широко известен как автор трудов, развивающих взгляд на Россию как на патримониальное общество, где система собственности привела к формированию особой национальной культуры. Как полагает автор, базовые ценности этой культуры коренным образом отличаются от ценностей западной цивилизации. Настоящий сборник включает несколько очерков, детализирующих авторскую теорию и охватывающих широкий временной диапазон: от российского быта XVI столетия до субкультуры революционного подполья XIX — начала XX веков.

УДК 94(470)"19"

ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-17-178599-4

© Richard Pipes, 1974, 2003, 2010, 2013, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026

© ООО "Издательство АСТ", 2026

Издательство CORPUS ®

Содержание

Андрей Симбирцев *Предисловие*

7

ЗНАКОМСТВО С РУССКИМИ:

ЗАМЕТКИ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

15

1785: РУССКИЕ ПОЛУЧАЮТ ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА

65

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ УВАРОВ:

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

107

ДЕЛО ДЕГАЕВА

ТЕРРОР И ПРЕДАТЕЛЬСТВО В ЦАРСКОЙ РОССИИ

175

ЛЕВ ТИХОМИРОВ:

РЕВОЛЮЦИОНЕР ПОНЕВОЛЕ

293

Примечания

339

Указатель имен

379

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как-то в середине 2000-х, когда профессор Пайпс довольно часто приезжал в Россию, мы разговорились о его книгах. “Какую вы считаете самой важной для себя?” — поинтересовался я. В ответ историк указал мне на некорректность поставленного вопроса. “Книги для меня как дети, — продолжил он. — И каждое такое дитя дорого по-своему”. Вместе с тем именитый собеседник признался, что тайная любовь все же есть. К моему удивлению, ею оказалась вовсе не “Россия при старом режиме” — хит 1974 года, принесший Ричарду Пайпсу славу искушенного русиста; это была двухтомная биография Петра Струве*, знаменитого консервативного либерала (или, если угодно, либерального консерватора) начала прошлого века, изобретателя концепта “либеральная империя”, позже, кстати, творчески переработанного Анатолием Чубайсом, но в сгущавшейся атмосфере 2010-х так и не прижившегося. Кстати, хотелось бы порекомендовать это великолепное исследование тем, кто по привычке продолжает причислять гарвардского профессора к загадочному племени “русофобов”, — в этой работе нет ни грама ненависти или презрения к России. (Забегая вперед, добавлю: равно как и в публикуемой ниже подборке трудов.)

* Пайпс Р. *Струве: левый либерал, 1870–1905*. М., 2001; Он же. *Струве: правый либерал, 1905–1944*. М., 2001.

Стоит упомянуть и еще один удививший меня эпизод той давней беседы. Мы коснулись “Дела Дегаева” — работы Пайпса, опубликованной незадолго до нашей встречи; мне тогда подумалось, что сюжет, в центре которого — тайная полиция, деятельно и энергично руководящая революционным движением, развернут автором более чем впечатляюще. Как оказалось, таким было не только мое мнение; Пайпс рассказал, что историей народовольца-оборотня, одновременно обслуживавшего и бомбистов, и охранку, а позже ставшего профессором математики в американском университете, заинтересовалась одна из голливудских киностудий. Переговоры почему-то заглохли, а фильм так и не был снят, но сейчас кажется, что картина получилась бы отменная: дегаевская история не только впечатляюще баснословна, но и пугающе актуальна — причем в цифровую эпоху с ее виртуальными троллями и дигитальными самозванцами вдвойне или даже втройне.

Примерно то же самое можно сказать и о других эссе, вошедших в настоящий сборник. Как показывает автор в первом из них, восприятие нашей страны и ее обитателей иностранцами во многих своих аспектах не слишком изменилось в сравнении с тем, как виделась Россия в эпохи Адама Олеария или мадам де Сталь. Размышляя об этом, можно, наверное, добавить: проблема здесь не только в том, что всякое “государство-цивилизация” по природе своей тяготеет к субстанциальной статичности — его партнеры, как выясняется, тоже ведь бывают не слишком пластичны в своих установках и убеждениях. Неудивительно, что в межкультурном диалоге, основанном на подобных вводных, с тоскливым постоянством — на протяжении столетий! — воспроизводится одно и то же. Но неизбежности аббераций, рождающихся из взаимосозерцания вечных недругов, способствуют и некоторые другие исторические обстоятельства, к пониманию которых автор подводит читателя в эссе, посвященном Жалованной грамоте 1785 года. Поскольку, как доказывается в этом тексте, русское дворянство после скандальной истории с “верховниками” фактически переуступило свои

прерогативы, касающиеся государственного управления, царской короне, последняя по меньшей мере до Великих реформ превратилась в безраздельно доминирующего актора отечественной политической сцены. В итоге, если в конструировании западного отношения к России в Новое время на равных соучаствовали как власть, так и общество, то российское отношение к Западу в одиночестве выстраивал лишь всемогущий игрок-монополист. Сказанное, впрочем, не означает, что внешнеполитические установки престола всегда оказывались жестко антизападными: став при Петре Великом полноценной европейской державой, официальная Россия просто не могла стряхнуть с себя европейский антураж с такой же бесшабашной легкостью, какую предстояло увидеть иным временам, а ее правительство, согласно крылатой пушкинской фразе, оставалось в империи “единственным европейцем”. Более того, разрыв с Европой вообще не входил в намерения царской администрации: в конце концов, не в Китай же ей было подаваться.

Публикуемое ниже жизнеописание Сергея Уварова, создателя пресловутой триады, волнующей чиновные сердца и в XXI веке, позволяет немного по-новому взглянуть на русское антизападничество. Дело в том, что даже в мрачную николаевскую эпоху, которую маркиз де Кюстин и Александр Герцен с двух сторон и в четыре руки бичевали как ретроградную, убогую и мертвящую, Российская империя считала себя наследницей европейской — и, заметим, никакой иной! — культурной традиции, пусть даже позабытой и преданной, как считали некоторые в Петербурге, самими европейцами. Но Уваров, надеявшийся зацементировать государство посредством придуманной им магической формулы, одновременно оставался, как выясняется, одним из самых утонченных и образованных русских европейцев. (Кстати, он был не одинок в этом: таким же обожателем Европы предстает перед современным читателем и Николай Карамзин, автор “Писем русского путешественника”.) Это наблюдение, в свою очередь, подталкивает к переоценке кажущейся незыблемости базисных по-

стулатов русского консерватизма. Нарочито игнорируемый сегодня казус Уварова, как и другие столь же необычные мировоззренческие констелляции, прекрасно вписывается в известные рассуждения Достоевского о пресловутой “широте” русского человека. В представляемом здесь миниатюрном собрании сочинений эта “широта” демонстрируется еще одним жизнеописанием — биографией Льва Тихомирова, на родовольца и черносотенца, жизненная парабола которого выглядит причудливой даже по отечественным меркам. Похоже, в Россию Новое время принесло с собой, перефразируя Зигмунта Баумана, необычайную “мировоззренческую текучесть”, сделав вопрос о “перерождении убеждений”, причем самом решительном и радикальном, одной из ключевых тем национального дискурса.

Комментируя эту интеллектуальную распушенность, русский философ-экзистенциалист Лев Шестов иронично писал: “Не вижу никаких оснований для человека, который хорошо знает несколько философских систем, непременно эволюционировать от одной к другой. Дозволительно, смотря по обстоятельствам, верить то в одну, то в другую. Даже в течение дня переменить две-три. Утром быть убежденным гегелианцем, днем держаться прочно Платона, а вечером... бывают такие вечера, что и в Спинозу уверуешь”*. С одной стороны, хочется поморщиться: ну как же так, что за беспринципная всеядность? Но тут есть и другая сторона, довольно-таки отрадная. Это примечательное свойство, на которое обращает внимание и Ричард Пайпс, раскрывая перед читателем извивы судеб Уварова, Дегаева, Тихомирова и других своих героев, при желании можно трактовать весьма и весьма позитивно. Из пластичности убеждений перечисленных и неупомянутых знаменитых соотечественников вытекает то, что в нашей стране, похоже, ничего не бывает навсегда и навечно. Сам историк говорит

* ШЕСТОВ Л. *Похвала глупости. По поводу книги Николая Бердяева “Sub specie aeternitatis”* // Н. А. Бердяев: Pro et Contra. Кн. I / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 1994. С. 202.

об этом следующее: “Законы здесь, как правило, принимались не в качестве общеобязательных предписаний, но как намерения — причем как намерения, действительные лишь на короткое время” (с. 99). А если так, то и гнетуще непоколебимый старый режим, описанный некогда Пайпсом, есть тоже фигура эфемерная, подлежащая неминуемой замене в богатом на неожиданности будущем. Американского профессора многократно упрекали в том, что он отказывает России в возможности меняться, трактуя ее в категориях вечности. Но в действительности его сочинения говорят о прямо противоположном. Старый режим на то и старый, чтобы на смену ему шло что-то еще — как это, собственно, и получилось с необратимо ушедшей царской Россией. И все работы, собранные в настоящем томе, посвящены именно этой идее.

В беседе, о которой было упомянуто в начале моего краткого рассуждения, мой визави обратил внимание на еще одно обстоятельство, на этот раз характеризующее его лично. Тексты историков-русистов, заявил он, обязательно должны публиковаться — и читаться! — по-русски, поскольку их конечным адресатом является российская аудитория. С этим невозможно спорить, поскольку даже те тезисы, с которыми не хочется соглашаться, запускают духовную работу, посредством которой социум начинает лучше разбираться в себе. Славный Сократ, как известно, уподоблял себя оводу, время от времени покусывающему тучного, ленивого и сонного коня афинской демократии; сродни этому и миссия историка, заставляющего думать, думать и думать о пути народа, ставшего объектом его исследования. То, что с появлением этой книги в отечественный интеллектуальный оборот вводятся некоторые новые тексты, ранее неизвестные читателям Ричарда Пайпса, — явление глубоко отрадное.

АНДРЕЙ СИМБИРЦЕВ

ЗНАКОМСТВО С РУССКИМИ:

**ЗАМЕТКИ ИНОСТРАННЫХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ
ХАРАКТЕРЕ**

На протяжении почти всей своей истории Россия оставалась для Запада таинственным царством, отчасти европейским, отчасти азиатским. К Европе она принадлежала благодаря христианской религии, а к Азии относилась по причине своего восточного месторасположения и представляющих восточными привычек и обыкновений. Начиная с середины XVIII века представления о России медленно менялись, и к началу Первой мировой войны ни у кого уже не оставалось ни малейших сомнений в том, что Россия — часть Европы.

Цель моего исследования заключается в том, чтобы показать, каким образом гости из Западной Европы, посещавшие Россию или проживавшие в ней, то есть люди, реально ступавшие на русскую землю, относились к ее обитателям, в чем, по их мнению, заключались особенности русской души и что, с их точки зрения, означало “быть русским”. Я не уделял большого внимания тому, как иностранцы воспринимали русскую политическую систему, ибо почти все они сходились во мнении, что Россия — это деспотия. Меня больше интересовали их представления о русской национальной культуре и особенностях русского характера, которые, как было известно гостям, отличались и от родных для них европейских, и от знакомых им азиатских аналогов.

Исследовать эту тему непросто. В безбрежном массиве путевых заметок о России почти нет наблюдений о русском на-